

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2025

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 12 (146). Часть II Том 15 - Актуальные вопросы исторической науки и образования. 2024

Интеллектуальная история и ее истоки: актуальные аспекты интерпретации

Гуторов Владимир Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Ширинянц Александр Андреевич

МГУ им. М. В. Ломоносова; Российский университет дружбы народов имени

Патриса Лумумбы

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Интеллектуальная история — направление научных исследований, интенсивно развивавшееся на протяжении всего XX в., на любом из этапов ее эволюции вплоть до наших дней постоянно становилась объектом острых дискуссий. Ученые признают важное междисциплинарное значение самого термина, выражающего общую методологическую тенденцию к синтезу внутри социального и гуманитарного знания. Вместе с тем, представляется парадоксальным сам факт, что анализ содержания этого понятия по-прежнему вызывает вопросы и порождает сомнения. Моменты, связанные с стремительным распространением представления о том, что интеллектуальная история, едва успев сформироваться как научное направление, оказалась в ситуации методологического тупика, повсеместно провоцирующей ощущение когнитивного диссонанса среди ее сторонников, требуют адекватного понимания причин подобного умонастроения. Постоянным источником кризисных явлений является неспособность многих адептов интеллектуальной истории осознать сложную и довольно хрупкую структуру ее аналитических методов, позволяющих исследовать многообразные социальные феномены с междисциплинарных позиций. Тем не менее многие теоретические разногласия, которые, на первый взгляд, выглядят трудно преодолимыми, имеют весьма относительный характер, если их рассматривать с точки зрения мировой исторической традиции эволюции

различных типов интеллектуальной деятельности в различных культурах — древних и современных. Именно в этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать наметившийся в последнее десятилетие международный поворот к «глобальной интеллектуальной истории», в рамках которой осуществляется творческий синтез многообразных национальных традиций.

Ключевые слова: интеллектуальная история, культурная история, герменевтика, интеллектуальные практики, историческая традиция, междисциплинарная коммуникация, историческая методология, политический контекст, глобальная интеллектуальная история

Дата публикации: 31.12.2024

Ссылка для цитирования:

Гуторов В. А. , Ширинянц А. А. Интеллектуальная история и ее истоки: актуальные аспекты интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 12 (146). Часть II.

URL: <https://history.jes.su/s207987840033897-5-1/>. DOI:

10.18254/S207987840033897-5

¹ Интеллектуальная история — направление научных исследований, чрезвычайно интенсивно развивавшееся на протяжении всего XX века, на любом из этапов ее эволюции вплоть до наших дней постоянно становилась объектом острых и «повсеместных» дискуссий¹. Причины лежат на поверхности. На рубеже XX—XXI вв. интенсивное развитие интеллектуальной истории определяется, прежде всего, «эффектом многообразия» — процессом диверсификации исследовательских полей, который, в свою очередь, вызывает «обратный эффект», связанный с постоянным стремлением ученых к пересмотру более ранних традиций и аналитических парадигм². Именно в этот период российские ученые стали активно включаться в обсуждение сложных исторических и методологических проблем. Об этом свидетельствует постоянно нарастающее количество отечественных научных статей, монографий и учебно-методических разработок, в которых большое внимание уделяется теоретическим и методологическим вопросам³. Значение этого методологического поворота весьма четко обозначено Л.П. Репиной во ввводной статье к новейшей монографии «Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох»: «Новые мотивы зазвучали в 2015 году: целью интеллектуальной истории было провозглашено понимание прошлых мыслей, того, как они возникли, и почему разное решение исторических проблем имеет смысл, а также понимание ограничений любого вида человеческой деятельности — не только социальными условиями, но также идеологическими рамками, в которых она осуществлялась. Помимо прочего, оптимистические прогнозы связывались с освобождением от доминирования истории политической мысли и с еще большей открытостью к междисциплинарным контактам. Наконец, в 2017—2018 гг. перед нами уже “глобальная интеллектуальная история” (с одноименным специальным журналом), хотя и в этом широчайшем поле желаемого консенсуса не сложилось. Приговор экспертов был однозначным: приходится “рассматривать интеллектуальную историю как внутренне гетерогенную дисциплину”. Однако “гетерогенная

дисциплина” — всего лишь оксюморон. Интеллектуальная история — это, по самой своей сути, область полидисциплинарная»⁴.

² Акцентируя внимание на полидисциплинарности как глубинной характеристике интеллектуальной истории, Л. П. Репина вполне целенаправленно солидаризируется с концепцией, разработанной еще во второй половине 1990-х гг. американским историком Дональдом Р. Келли, который по праву считается одним из патриархов этой дисциплины наряду с Квентином Скиннером и Джоном Пококом — основателями Кембриджской школы истории понятий. В своей короткой статье, которая была опубликована в рамках дискуссии на тему «Различные подходы к интеллектуальной истории», инициированной редакцией журнала «Intellectual News», Д.Р. Келли следующим образом обозначал свою методологическую позицию: «Для меня, в любом случае, интеллектуальная история — это не раздел истории, а скорее способ или набор способов, нацеленных на рассмотрение всего спектра прошлого человечества — действия и творения, которые оставили понятные и поддающиеся передаче следы. С точки зрения герменевтики, интеллектуальная история — это на самом деле не дисциплина, а скорее точка зрения (*Sehepunkt* — термин введенный в употребление Хладениусом в середине XVIII в.) в рамках дисциплины, каковой является история. Задача мыслящего историка (*intellectual historian*) — исследовать те области человеческого прошлого, в которых сохранились поддающиеся расшифровке следы, обычно письменные или иконографические, а затем придавать этим следам современное значение посредством языка. Историки, специализирующиеся в этой области, всегда могут обратиться к таким дисциплинам, как экономика, социология, политология, антропология, философия и особенно — учитывая герменевтические условия и цели их начинания — к гуманитарным наукам, начиная с литературы и критики. Но в то же время они не должны забывать о своей миссии или пределах, налагаемых их культурными горизонтами и дисциплинарными ограничениями»⁵.

³ Анализ современных дебатов свидетельствует о том, что концепция Д. Р. Келли разделяется большинством специалистов. Разумеется, остаются многочисленные нюансы, связанные с особенностями теоретических позиций и интерпретаций роли герменевтики представителями различных научных школ, сформировавшихся в Западной Европе и США. Так или иначе, в последние два десятилетия понятие «интеллектуальная история» выглядит вполне привычным элементом современного академического ландшафта. «Еще поколение или более назад, — отмечает С. Коллини, — те, кто стремился описать и привычно отстаивать самобытность интеллектуальной истории, в основном чувствовали, что они занимают оборонительную позицию. Но за последние два или три десятилетия произошел заметный рост коллективной уверенности в себе. Тщательные упражнения в дефинициях и самооправдании кажутся сейчас менее востребованными. Ярлыки — это всего лишь ярлыки, но термин “интеллектуальная история” стал обычным явлением, частью фурнитуры институциональной жизни, регулярно появляясь в названиях книг, журналов, академических должностей и так далее»⁶. Ученые признают важное междисциплинарное значение самого термина, выражающего общую методологическую тенденцию к синтезу внутри социального и гуманитарного

знания. Вместе с тем, представляется парадоксальным сам факт, что анализ содержания этого понятия по-прежнему вызывает вопросы и порождает сомнения даже у тех специалистов, которые прочно связали свою научную карьеру именно с данным направлением и взяли на себя труд по его популяризации. Например, в предисловии к своей работе «Что такое интеллектуальная история?» Ричард Уотмор отмечает: «Цель этой небольшой книги — дать широкому читателю представление о том, что такое интеллектуальная история и чем занимаются интеллектуальные историки. Интеллектуальная история в настоящее время представляет собой весьма активную область исследований. Историки, специализирующиеся в этой сфере, находятся в авангарде нынешних глобальных, транснациональных, сравнительных, пространственных, визуальных и международных поворотов в исторической профессии. Это интеллектуальные истории научных доктрин, страстей и чувств, городского планирования и национальных государств, каннибализма и (более естественных форм) потребления, рабочего класса, биографий и гимнов. Любая попытка дать определение будет рассматриваться как частичная. В равной степени *ее придется признать сугубо персональной* [курсив наш — В. Г., А. Ш.]»⁷.

⁴ По мнению Уотмора, главная причина такого рода «субъективизма» состоит в том, что в отличии, например, от истории культуры, адепты которой могут свободно «размышлять о местных, региональных и национальных дискурсах, посредством которых выражали себя отдельные люди и социальные группы, а также пойти дальше и проанализировать властные отношения между ними, рисуя картину отношений между конкретными историческими личностями и более широкими социальными группами», интеллектуальная история должна «начинать со слов» и установить — «Что именно автор стремился выразить своей словесной резьбой? Почему он делает это именно таким образом? Каким образом приводимые им аргументы могут быть зафиксированы в каком-либо другом источнике? Каково было их происхождение и как осуществлялась их рецепция? Такая работа может быть трудной, особенно в случае, когда их характер нелегко различить или, как в данном случае, в Словах отчеканены уникальные смыслы или же они передаются эпиграмматически»⁸.

⁵ В рассуждениях Р. Уотмора фиксируются основные моменты трансформации аналитических методов интеллектуальной истории, вызванной «лингвистическим поворотом» в социальных науках под влиянием двух знаменитых школ, возникших в послевоенный период в Германии — школа анализа «основных исторических понятий» — *Grundbegriffe* (О. Бруннер, Р. Козеллек, В. Конце) и в Великобритании — знаменитая Кембриджская школа (Д. Покок, К. Скиннер), постоянно акцентировавшая внимание на многообразии «политических языков». Выход в свет в 1975 г. книги Д. Покока «Макиавеллиевский момент» рассматривается Уотмором как ключевое событие, связанное с завершением процесса легитимизации этого направления в структуре исторических наук и социально-политического знания: «“Макиавеллиевский момент” вызывал трепет, а иногда и ошеломлял читателей с момента его публикации 21 мая 1975 года. Рецензенты, даже критически настроенные, быстро назвали книгу шедевром. Для ученых, специализирующихся в области интеллектуальной истории, она была юридическим подтверждением того, что

новая дисциплина действительно была создана. В глазах специалистов по социальным и гуманитарным наукам «Макиавеллиевский момент» представлял собой модель исторической практики... Во многих отношениях книга продолжает определять практический облик интеллектуальной истории и является наиболее узнаваемым примером интеллектуально-исторического исследования наряду с книгой Квентина Скиннера «Основания современной политической мысли» (1978). Чтение «Макиавеллиевского момента» — это своего рода обряд посвящения»⁹.

6 Разумеется, в предельно общем плане обрисованная Р. Уотмором ситуация выглядит вполне аутентичной. Но как объяснить тот факт, что в 1985 г., согласно утверждению самого автора «Макиавеллиевского момента», после прочтения двух сборников эссе он окончательно пришел к следующему выводу: «Чем бы ни была “интеллектуальная история” и какой бы ни была “история идей”, я не занимаюсь ни одной из этих вещей»?¹⁰ Почти двадцать лет спустя Д. Покок в одной из своих статей пояснял, что основной причиной столь радикального отказа является методологическая путаница, вызванная далеко не всегда обоснованными претензиями современных адептов этого направления рассматривать собственную методологию как наиболее приоритетную. Не без доли горькой иронии британский историк отмечал: «Вот первый закон междисциплинарной коммуникации, который гласит: “Почти все методологические дебаты бесполезны, потому что почти все методологические дебаты сводятся к формуле: вы не должны делать свою работу; вам следует заняться моей”»¹¹.

7 Новейшие исследования вполне подтверждают, что скепсис Д. Покока был вызван отнюдь не сиюминутным настроением. Например, в своей недавно опубликованной работе «Австрийский ум: интеллектуальная и социальная история в 1848—1934 гг.» американский историк Уилл Джонстон также довольно пессимистично замечает: «Ни одна отрасль исторических исследований не была так затруднена противоречивыми методологиями, как интеллектуальная история. Сторонники того или иного подхода действуют так, как будто их метод исключает или включает в себя все остальные. Стремясь распутать эти споры, я предлагаю различать три дисциплины в рамках интеллектуальной истории. Их я называю внутренней историей идей, социологией мыслителей и социологией ангажированных интеллектуалов»¹².

8 В работе Р. Уотмора «Что такое интеллектуальная история?» скептицизм и пессимизм проявляются не менее радикально, прежде всего, в стремлении окончательно разрубить «гордиев узел», то есть отодвинуть проблему методологии на задний план и выявить «иное начало», объединяющее специалистов в этой области. «Одна вещь, которая объединяет специалистов по интеллектуальной истории (intellectual historians), — замечает Уотмор, — заключается в том, что они никогда ничего не напишут, не прочитав работы исторических деятелей, которые им интересны. Полагаться на интерпретации других и игнорировать первоисточники немислимо. Точно также среди таких специалистов телеологическое восприятие прошлого встречается редко, но его еще можно найти»¹³. При этом британского историка вовсе не смущает даже перспектива полного отказа от традиции интерпретации, инициированной основателями Кембриджской школы. «Одна из целей этой книги, — пишет он, — показать, что

от такого ярлыка, как “Кембриджская школа”, хотя и полезного для описания ряда новаторских трактовок интеллектуальной истории, сегодня можно отказаться. В ее рамках больше не затрагиваются те исследовательские вопросы, к которым обращались некоторые из лучших специалистов в этой области, многие из которых до сих пор, так или иначе, связаны с этим университетом. Эти ученые, ассоциирующиеся в массовом сознании с Кембриджем, демонстрируют совсем иные подходы к интеллектуальной истории, воспроизводимые во всем англоязычном мире, которые также необходимо признать... Фокусировка внимания на кембриджских ученых, возможно, является ошибкой. В сентябре 2014 года я был в Университете Умеа на конференции шведских аспирантов, специализирующихся в области интеллектуальной истории, и очень быстро стало ясно, что ни один из них не слышал о Пококе, ни один аспирант не изучал ни одного методологического эссе Скиннера; основным источником, вдохновлявшим их исследовательскую работу, был исключительно Фуко. Виды работ, которые выполняли шведские аспиранты, были в основном связаны с историей технологий двадцатого века. Одним из самых интересных результатов было то, что многие из них были задействованы для преподавания студентам в научных школах. В разных местах все происходит совсем по-другому»¹⁴.

⁹ Обозначенные выше моменты, связанные с стремительным распространением представления о том, что интеллектуальная история, едва успев сформироваться как научное направление, оказалась в ситуации методологического тупика, повсеместно провоцирующей ощущение когнитивного диссонанса среди ее сторонников, разумеется, требуют как адекватного понимания причин подобного умонастроения, так и разработки соответствующей научной формулы (или парадигмы), позволяющей найти приемлемый, научно обоснованный выход. На наш взгляд, такое понимание представлено в обзорной статье Аннабел Бретт «Что такое интеллектуальная история сейчас?», опубликованной в 2002 г. в сборнике «Что сейчас представляет собой история» под редакцией Д. Каннадина — известного английского историка и президента Британской академии. Исходная позиция А. Бретт состоит в формулировании двух следующих вопросов: «“Что такое интеллектуальная история сейчас?” (в отличие от того, что было прежде); и “Что такое интеллектуальная история сейчас?” (в отличие от любой другой разновидности истории)»¹⁵. Такая постановка двух, тесно взаимосвязанных вопросов, дает возможность понять, почему «та же самая история интеллектуальной истории, которая в течение последних нескольких десятилетий постоянно демонстрировала стимулирующий рост в этой области знания, в то же время поставила под вопрос ее отчетливо выраженные границы»¹⁶.

¹⁰ Постоянным источником кризисных явлений является неспособность многих адептов интеллектуальной истории осознать сложную и довольно хрупкую структуру ее аналитических методов, позволяющих исследовать многообразные социальные феномены с междисциплинарных позиций и одновременно защищать свою идентичность и самодостаточность. «... Можно утверждать, что интеллектуальная история сохраняет свою особую направленность. Ведь специалистов интересует не просто то, как люди говорят или их визуальное воображение, а также то, как эти моменты связаны с их социальным, культурным и политическим контекстом или с другими измерениями их саморепрезентации.

Их... в первую очередь интересуют характер речи и способы, с помощью которых люди в прошлом осмысливали свой мир. Поэтому интеллектуальная история и должна интересоваться внутренней связностью и логикой структур ментальных референций или языков, которые она изучает»¹⁷.

¹¹ Исходя из данных посылок, А. Бретт решительно отвергала сформулированное видным американским историком Уильямом Боусмой методологическое требование «подчинить» интеллектуальную историю культурной истории на том основании, что «первая, по-видимому, предполагает существование какой-то вещи более высокого порядка, а именно — “интеллекта” или “интеллектуальной деятельности”, стоящих над низменными аспектами жизни — и, следовательно, имеющих особо выдающуюся ценность, изучение которой само по себе является возвышенным интеллектуальным занятием, доступным только серьезным интеллектуалам»¹⁸.

¹² Позиция, занятая А. Бретт, в дальнейшем получила решительную поддержку со стороны Д. Р. Келли. В своей книге «Нисхождение идей: история интеллектуальной истории» он, в частности, отмечал: «Интеллектуальная история тесно связана с культурной историей, выстраивая аналогичные полярные способы исследования, обычно известные как интерналистский и экстерналистский — или “интеллектуалистский” (или даже “спиритуалистский”) и “контекстуалистский” подходы. Первый из этих методов локализован в индивидуальной психологии и психических явлениях, второй — в коллективном поведении, унаследованной или усвоенной практике и культурном окружении. Применительно к историческому исследованию они принимают две формы. Одной из них является привычка отслеживать идеи с точки зрения внутренней динамики или знакомой логики, подобно тому, что восемнадцатый век называл “рассудительной” или “предположительной” историей. Вторая пытается поместить идеи в контекст их конкретного времени, места и окружающей среды, не предполагая какой-либо духовной преемственности во времени»¹⁹.

¹³ Аналогичную позицию занимает и современный немецкий философ и культуролог Мартин Мульсов. В своей новейшей работе «Утерянное знание: новый взгляд на интеллектуальную историю раннего модерна» он специально утверждает: «Интеллектуальная история в немалой степени становится культурной историей интеллектуальных практик. Приобретение определенных практик закрепляет знания в человеческом мышлении и поведении и таким образом неявные виды знания оказывают реальное влияние. Это хорошо согласуется с одной из центральных интуиций Мишеля Фуко: неявные факторы (или, как он их называет, дискурсивные образования) формируют содержание того, что мы знаем»²⁰. По весьма точному наблюдению К. Стивенз, обозначенный выше синтез возможен только в том случае, если прилагательное «интеллектуальный» понимается «в широком смысле, который не ограничивается высокоуровневыми или формализованными научными исследованиями, но потенциально включает в себя все формы концептуального взаимодействия с ранее существовавшими традициями (письменными или устными) и современным миром. Я использую термины “интеллектуальная деятельность” или “интеллектуальное производство” для обозначения создания, хранения или изучения всего материала, подпадающего под это расширительное определение»²¹.

14 Приведенные выше примеры теоретических разногласий, которые, на первый взгляд, выглядят трудно преодолимыми, приобретают, на наш взгляд, весьма относительный характер, если их рассматривать с точки зрения мировой исторической традиции эволюции различных типов интеллектуальной деятельности в различных культурах — древних и современных. Данный вид деятельности является чрезвычайно разнообразным (или «полиморфным») и, разумеется, помимо всего прочего, предполагает и существование различных групп интеллектуалов, являющихся субъектами последней. Например, в европейской истории интеллектуалы как социальная группа впервые появляются в эпоху расцвета древнегреческой культуры и политики в V—IV вв. до н. э. Характерные черты их деятельности подробно интерпретируются в книге Фридриха Солмсена «Интеллектуальные эксперименты греческого просвещения»: «Охарактеризованные здесь эксперименты, возможно, не столь значимы, как утверждение о том, что “человек есть мера”, как противопоставление “природы” (φύσις) “условному обычаю” (νόμος), новаторские идеи об образовании — в общем, как новые мысли или доктрины, выдвинутые софистами или другими передовыми умами. Однако они являются также выражением свободы, обретенной разумом, драгоценного, но в то же время опасного приобретения, которое может служить многим целям»²².

15 Античная матрица стала основой философской аналитики дихотомии «интеллектуалы и власть» — от И. Канта до различных направлений современной социально-политической философии, в рамках которых постоянно формируются, вступают между собой в спор и модифицируются многообразные концепции участия интеллектуалов в политике. Классическим образцом анализа этой матрицы до сих пор считается книга немецкого антиковеда и социального философа Курта фон Фрица «Платон на Сицилии и проблема власти философов», посвященная тщетным попыткам афинского мыслителя воплотить на практике «интеллектуальный эксперимент», разработанный в диалоге «Государство» и осуществить с помощью сиракузских тиранов свой утопический проект политического переустройства²³. События в Сиракузах, — отмечает К. фон Фриц, — вполне позволяют понять, «почему, вопреки мнению Платона, попытка философов принимать участие в политике неизбежно должна завершиться крахом. Сам Платон в “Законах”, Кант в “Споре факультетов”, лорд Актон и некоторые другие [мыслители] вновь и вновь утверждали, что, согласно формулировке Канта, “обладание властью пагубно для свободного использования разума”»²⁴. На примере критики Кантом платоновской теории государства, которым управляют философы, становится очевидным, что не только обладание властью, но даже попытка косвенного участия в политике пагубно сказывается на способности мыслить разумно. Любой тип политической пропаганды является противоположностью свободному обсуждению того, что является справедливым и несправедливым²⁵. Переход философа на уровень публичной политики приводит к тому, что ему волей-неволей приходится превращаться в «пропагандиста». «Естественная задача философов, то есть свободных “интеллектуалов” — быть совестью правителей и управляемых не только в моральном смысле, но также и в том смысле, что они неустанно пытаются приобретать новое понимание или “знание” и применять его на деле. Напротив, пропагандист, который апеллирует к власти, будучи главным образом и по необходимости обладателем некого

несовершенного и одностороннего знания, является бессовестным в совершенно ином смысле по сравнению с государственным мужем, который, как действующий практик, вынужден именно в данном смысле быть “бессовестным”. Тем не менее он несет ответственность за свои действия и ощущает их последствия, в то время как пропагандист, как правило, пытается снять с себя ответственность за нередко полностью предвидимые последствия своей пропаганды и свалить ее на других... В наше время не только те, кто стоит у власти, — правители в более или менее тоталитарных государствах подавляют свободу суждений всеми средствами, находящимися в их распоряжении. Но к ним примыкают и “интеллектуалы” — эквивалент древних поэтов, мыслителей и самих философов — которые отказываются прислушиваться друг к другу и используют насилие, как только аргументы оборачиваются против них»²⁶.

¹⁶ Во второй половине XX в. различные вопросы, связанные с участием интеллектуалов в политике, обсуждались в рамках представлявшейся в то время вполне оригинальной парадигмы, основанной на противопоставлении «интеллектуала-специалиста» «интеллектуалу универсальному»²⁷. К последней «всеобщей категории» первоначально относили писателей и философов преимущественно леворадикальной ориентации. Возникшая в дальнейшем дискуссия развивалась в направлении создания гораздо более сложных классификаций путем выделения «гибридных типов», одним из которых становятся так называемые «публичные интеллектуалы» — «класс гибридных существ, одной ногой стоящих в созерцательном мире, а другой — в мире политическом»²⁸. Многие из этих классификаций восходят к теории «малого народа» Огюстена Кошена, характеризующей менталитет и поведение различных групп интеллектуалов, которая варьируется в чрезвычайно широком спектре интерпретаций и сходных сюжетов — от специфической версии этой теории И. Р. Шафаревича до концепций «предательства интеллектуалов» Ж. Бенда, «культуры нарциссизма» К. Лаша, «ответственности интеллектуалов» Н. Хомского, фрагментации интеллектуального поля Р. Якоби, концептуальных характеристик позиций интеллектуалов в отношении власти Ф. Ларуэля и многих других²⁹.

¹⁷ Возвращаясь к проблеме соотношения интеллектуальной и культурной истории, следует сразу отметить, что современные дебаты по данному вопросу не всегда отличаются новизной и опираются на традицию, насчитывающую далеко не одно десятилетие. В этом плане следует выделить один принципиально важный момент, на который уже обратила внимание Л. Д. Репина в своей вводной статье к монографии «Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох». Так, отмечая акцентировку А. Бретт на сближение новой культурной истории и истории мысли, а также перспективу их предстоящего слияния, Л. П. Репина отмечала, что «такая программа и сама формулировка “новая культурно-интеллектуальная история” были предложены французским историком Роже Шартье еще в начале 1980-х гг.»³⁰. В этой связи важно уточнить, в чем именно заключается приоритет Р. Шартье в обосновании новых аспектов взаимодействия культурной истории и истории мысли. Действительно, в программной статье «Интеллектуальная история или социокультурная история?», опубликованной в 1982 г. в сборнике «Современная европейская интеллектуальная история. Переоценка и новые

перспективы» под редакцией Доминика Капра и Стивена Каплана, Шартье отмечал: «Постановка проблем интеллектуальной истории, безусловно, является одной из самых трудных задач в мире по нескольким причинам. Во-первых, это вопрос терминологии. Ни в одной другой отрасли истории не существует такой национальной специфики используемых терминов и такой сложности их введения, да и просто перевода на другой язык и в другой интеллектуальный контекст. Американская историография выделяет две категории, связи которых нигде четко не обозначены и поэтому всегда проблематичны. Во-первых, это интеллектуальная история, которая появилась вместе с “новой историей” в начале века и сформировалась как особая область исследований благодаря работам Перри Миллера. Во-вторых, это история идей, разработанная А. О. Лавджоем как дисциплина, имеющая свою цель, программу и исследовательские процедуры, а также свой институциональный локус (“Журнал истории идей”, основанный Лавджоем в 1940 году)»³¹.

18 Выделяя проблему сложности перевода специфических национальных терминов в другой интеллектуальный контекст, Р. Шартье непосредственно ссылается на статью «Интеллектуальная история: ее цели и методы», опубликованную в журнале “Daedalus” в 1971 г. Феликсом Гильбертом, американским историком немецкого происхождения. В этой глубокой и блестящей в стилистическом плане работе Ф. Гильберт предпринял попытку выявить исходные предпосылки формирования интеллектуальной истории как в концептуальном, так и в «институциональном» плане. Под последним он подразумевал процесс формирования интеллектуальной истории в качестве самостоятельной научной дисциплины. «Тридцать один год назад, — отмечал Гильберт, — Перри Миллер опубликовал книгу “Разум Новой Англии”. Едва замеченная во время публикации и, возможно, даже рассматриваемая с некоторым недоверием как смелый синтез, эта книга постепенно получила признание за свою оригинальность и теперь стала классической... Знал ли Миллер, что интеллектуальная история — это непривычное понятие, и хотел ли он, используя этот термин, указать, что его работа принадлежит новому жанру истории? Причины использования Миллером этого термина уже не могут быть установлены. Дело в том, что в 1939 году термин “интеллектуальная история” еще не стал нарицательным; он проник в научный словарь постепенно. В 1904 году Джеймс Харви Робинсон — один из отцов-основателей того, что тогда называлось “новой историей” предложил курс под названием “Интеллектуальная история Западной Европы”, и в дальнейшем неоднократно обращался к интеллектуальной истории... Изучение истории этого термина открывает еще несколько удивительных фактов. Понятие *Histoire intellectuelle* не используется французскими учеными; *Оксфордский словарь английского языка* также не признает существование термина “интеллектуальная история”... Немецкие ученые признают только *Geistesgeschichte* или *Ideengeschichte*, но не *intellektuelle Geschichte*. Отсутствие у историков других стран желания иметь эквивалент того, что в Соединенных Штатах называется “интеллектуальной историей”, не означает, что предметы, подпадающие под эту категорию, в этих странах игнорируются. Поэтому при обсуждении проблем интеллектуальной истории первый вопрос должен заключаться в том, дали ли американцы только удобное, всеобъемлющее название множеству различных, но связанных между собой предметов, которые в

других странах подпадают под разные рубрики, или же новое название свидетельствует о возникновении нового жанра истории»³².

¹⁹ Дилемма, обозначенная Ф. Гильбертом в форме «первого вопроса», скорее всего, может рассматриваться как «дань риторике» со стороны выдающегося ученого. Разумеется, он далеко не случайно рассматривал книгу П. Миллера «Разум Новой Англии» именно как «первую ласточку», ознаменовавшую возникновение нового направления в исторической науке. Об этом же свидетельствуют и самые ранние отклики на эту работу. Например, Чарльз Ф. Стронг (Чикагский университет) в своей рецензии специально отмечал: «Миллер мудро решил сначала объяснить категории мышления и систему логики, используемые пуританами. В результате его истолкование содержания мышления последних становится не только более понятным по сравнению с предыдущими попытками, но и указывает на разрыв между их психическими процессами и менталитетом современных американцев. В целом, это очень выдающаяся книга и важный вклад в жанр колониальной и интеллектуальной истории (a major contribution to Colonial and intellectual historical writing)»³³.

²⁰ Как объяснял сам Перри Миллер в своей послевоенной книге «Разум Новой Англии: от колонии к провинции» (1953): «Если предыдущая книга и имеет какие-то достоинства, то она связана с попыткой в максимально широком смысле понять архитектуру интеллекта, принесенную в Америку основателями Новой Англии. Поэтому книга была структурирована тематически: все обороты речи, характерные для данного периода, рассматривались как единое целое. В ней мало уделялось внимания или вообще игнорировались различного рода модификации, вызванные воздействием внутренних событий на мысль»³⁴.

²¹ Весьма примечательной является также констатация Гильбертом того факта, что одним из наиболее важных каналов, по которым понятие «интеллектуальная история» проникало в гуманитарные науки, были университетские курсы лекций и научные семинары. Нередко книги по интеллектуальной истории возникали на основе лекционных курсов в результате «встречных потоков» интересов студентов, деканатов и отдельных факультетских профессоров. Например, в предисловии к работе «Европейская интеллектуальная история с 1789 года» (1968) ее автор Р. Н. Стромберг (Висконсинский университет в Милуоки) специально подчеркивал, что «эта книга во многом обязана ученикам автора, в значительной степени выросших из курса, который он навязывал некоторым из наиболее упорных из них за последние несколько лет. По-видимому, возникла острая необходимость в базовой книге, на основе которой можно было бы организовать такой курс современной европейской интеллектуальной истории... Эти запросы часто поступали от преподавателей курсов, посвященных европейской или западной цивилизации с 1789 или 1815 гг., которые хотели дополнить политическую, социальную и экономическую историю материалами по интеллектуальной истории. В некоторых отношениях умственная культура современного западного человека, его интеллектуальная оснащенность и базовая структура мышления восходят к великой научной революции XVII в., и здесь необходим краткий общий комментарий к более ранним эпохам эволюции идей»³⁵. Книга Ф. Гильберта «На прощальное обращение: идеи ранней американской внешней политики» (1961), посвященная анализу интеллектуальной истории

внешнеполитической мысли США в эпоху раннего модерна, по его собственному признанию, «восходит к семинару по “американскому изоляционизму”, проводившемуся в Институте перспективных исследований в Принстоне в 1939—1940 годах»³⁶. Явный отпечаток университетских курсов имеют и многие другие его работы³⁷.

22 Труды П. Миллера, как и книги Ф. Гильберта отличаются редкой эрудицией. Поскольку речь идет о специфике «категорий мышления и системы логики, используемых пуританами», трудно представить, чтобы Миллер и его поздние комментаторы не имели представления о том, что за несколько лет до выхода в свет его первой книги в британском журнале *Journal of Political Economy* была опубликована серия статей под общим названием «Религиозная мысль о социальных и экономических вопросах в шестнадцатом и семнадцатом веках». Их автором был Ричард Генри Тони — британский социалист, идеолог лейбористской партии, выдающийся экономист и историк экономической мысли³⁸. Если как политический публицист и социалистический теоретик он по праву делит пальму первенства с такими интеллектуалами как Гарольд Ласки и Эдвард Палмер Томпсон, то как экономиста его нередко сравнивали с Карлом Поланьи³⁹. Все три статьи, безусловно, можно рассматривать как блестящее предвосхищение (в полном смысле этого слова!) методологии анализа интеллектуальной истории последующих десятилетий. Так, обозначая цель и общий замысел своей работы, Тони отмечал: «Цель этих статей — краткое и предварительное исследование одного направления в ранней истории экономической мысли. Я назвал их “Религиозная мысль о социальных и экономических вопросах в шестнадцатом и семнадцатом веках” не потому, что не существовало других течений, которые имели бы равное или большее значение для будущего, а потому, что в конечном счете именно изменение характера религиозной мысли дало возможность развития светской политической экономии... Справедливо это или нет, мудро или неразумно, *не только в Англии, но и на континенте и в Америке, не только в рамках одной конфессии, но и среди католиков, англикан и нонконформистов* [курсив наш — В. Г., А. Ш.], была предпринята попытка заново сформулировать практические последствия социальной этики христианской веры и переформулировать их в форме, достаточно полной, чтобы обеспечить стандарт для оценки коллективных действий и институтов человечества, как в сфере международной политики, так и в сфере социальной организации. Это делается сегодня. Это делалось в прошлом»⁴⁰.

23 Не меньшее значение для становления интеллектуальной истории как научного направления имеет заочная полемика Р. Г. Тони с М. Вебером. В эссе «Макс Вебер и дух капитализма», написанном в 1930 г., характеристика личности самого Вебера как интеллектуала «высшей пробы» сочетается с не менее примечательной по своим посылкам попыткой противопоставить главному, психологически окрашенному тезису немецкого социолога о кальвинистских истоках возникновения раннего капитализма исторические факты, свидетельствующие о том, что идеи Кальвина и его последователей являются лишь одним из существенных элементов «интеллектуального движения», сформировавшего экономическую и политическую идеологию европейского модерна. «Макс Вебер, — утверждал Тони, — был ученым, чей интеллектуальный

диапазон был необычайно широк, и чья личность производила даже более глубокое впечатление, чем его знания, на тех, кто имел честь знать его. Он получил образование юриста и, помимо преподавания в качестве профессора во Фрайбурге, Гейдельберге и Мюнхене, писал на такие разнообразные темы, как древняя аграрная история, условия сельского населения Пруссии, методология социальных наук и социология религии. Различные виды его деятельности никогда не сводились исключительно к отношениям учителя и ученика. Он много путешествовал, живо интересовался современными политическими и социальными движениями, сыграл активную и бескорыстную роль в борьбе с кризисом, с которым столкнулась Германия в конце войны, и сопровождал немецкую делегацию в Версале в мае 1919 года... Если Вебер, как это было естественно при его подходе к проблеме, кажется, делает в своей работе что-то вроде чересчур исключительного акцента на интеллектуальных и этических силах, то его анализ самих этих сил, возможно, требует дополнения. Критика Brentano, связанная с тем, что политическая мысль эпохи Возрождения была столь же мощным растворителем традиционных ограничений, как и учение Кальвина, вполне весома. Во всяком случае, в Англии спекуляции деловых людей и экономистов относительно денег, цен и валютного курса, вызванные периодическими финансовыми кризисами XVI в. и изменением уровня цен, были одинаково эффективными в плане разрушения позиции, которую Вебер называл традиционализмом. Новейшие исследования развития экономической мысли позволяют предположить, что приписываемое кальвинизму изменение взглядов на экономическую этику отнюдь им не ограничивалось, а было частью общего интеллектуального движения, нашедшего отражение в мировоззрении как католических, так и протестантских авторов»⁴¹.

²⁴ В фундаментальной ранней работе Р. Г. Тони «Религия и возвышение капитализма», опубликованной в 1926 г., исторический и экономический анализ постоянно сопровождается остроумными замечаниями этического свойства, которые хорошо характеризуют особенности его интеллекта и полемическую направленность его аргументации: «Но это странная школа, которая преподает не более одного урока, и социальные реакции пуританизма — резкие, постоянные и глубокие — не могут быть суммированы в простой формуле, согласно которой он способствовал развитию индивидуализма. Вебер в знаменитом эссе изложил тезис о том, что кальвинизм в его английской версии был родоначальником капитализма, а Трёлльч, Шульце-Геверниц и Каннингем придали той же интерпретации вес, подкрепив ее своим значительным авторитетом. Но сердце человека таит в себе тайны противоречий, которые живут именно по причине сильной несовместимости друг с другом. Когда сморщенные паутинки лежат у нас в руке, духовные узы все еще от нас ускользают. В каждой человеческой душе существует социалист и индивидуалист, авторитарист и фанатик свободы. Равным образом, в каждой душе присутствуют католик и протестант»⁴².

²⁵ Учитывая всемирное распространение идей Макса Вебера, есть все основания считать, что давно ставшая хрестоматийной интеллектуальная полемика Ричарда Генри Тони с великим немецким социологом не только ярко высвечивает новые грани оригинального ума и таланта последнего, но и вполне

позволяет включить британского историка и экономиста в число предшественников «новой культурно-интеллектуальной истории».

Обозначенные выше примеры ранней аналитики сложных проблем эволюции интеллектуальной истории, на наш взгляд, делают правомерным вывод о том, что между традицией интерпретации, сложившейся первой половине XX в., и современными инновационными прорывами не существует непроходимой пропасти, как это иногда представляется излишне радикальным сторонникам последних. Напротив, как свидетельствует опыт, обращение к старым текстам нередко стимулирует мысль современных специалистов, обеспечивая дополнительные ресурсы для решения сложных методологических проблем. Например, если условно брать начало XX в. за исходную точку отсчета, то одним из наиболее важных источников формирования интеллектуальной истории как самостоятельного направления не только исторической науки, но и социально-политической мысли, безусловно, может считаться многотомный труд британского философа Джона Б. Крозье «История интеллектуального развития: о направлениях современной эволюции». Исторический анализ интеллектуального развития Крозье рассматривает в духе Ж. Бодена, то есть как важнейший элемент образования «политического человека». Основная задача заключается в том, чтобы «продемонстрировать некоторые из ныне общепризнанных ошибок в практическом государственном управлении девятнадцатого века, от которых нации могли бы быть спасены, если бы их государственные деятели обладали знаниями об эволюции цивилизации, которыми они могли бы руководствоваться... Мы неоправданно приносим политических историков в жертву предрассудкам “человека улицы”, “практичного человека”, как он с гордостью себя называет, человека, который считает, что политики, которые растут, как тыквы, повторяя какие-то сиюминутные крылатые слова, и есть единственные истинные государственные деятели... Политик-практик, у которого нет исторического чувства, который думает, что все знания о прошлом — это школьный педантизм и что все, что нужно для государственного управления — это точное и исчерпывающее знание повседневных фактов, представляет собой нечто совершенно скверное»⁴³.

²⁷ Вряд ли можно сомневаться в том, что поставленные в работе Джона Крозье проблемы и в настоящее время выглядят не менее актуальными, чем столетие назад. Напротив, их злободневный характер стократно усиливается в условиях глобального воздействия новых манипулятивных технологий на современные политические процессы. Кризис традиционной европейской модели среднего и университетского образования, складывавшейся на протяжении столетий, провоцирует в самых различных формах тенденцию к нивелировке перспектив активного внедрения эвристических принципов интеллектуальной истории в современные образовательные комплексы. Косвенным подтверждением данной тенденции являются бесконечные методологические дискуссии, развернувшиеся в XXI в. внутри этого направления.

²⁸ Тем не менее сама инерция сложившейся традиции в этой области знания дает вполне основательную надежду на преодоление обозначенных выше кризисных явлений. Интеллектуальная история по самой своей природе обладает

изрядным, исторически обусловленным «запасом прочности». Как весьма точно отмечает Дейвид Армитидж: «Интеллектуальная история может по праву претендовать на то, чтобы быть международной историей *avant la lettre*. Как показал Дональд Келли, первые практики истории идей — от Томаса Станли в Англии середины XVII в. до Виктора Кузена в постнаполеоновской Франции — создали работы, которые были поразительно космополитичны по характеру и содержанию. Их истории берут начало в традициях философского эклектизма, восходящих к Диогену Лаэртскому, но наиболее непосредственно они возникли в ходе ранних современных эпистемологических дебатов, в которых идеи считались независимыми от своего происхождения — национального или иного. Эти ранние формы истории идей были характерными продуктами *Республики Словесности*, которая была осознанно наднациональной по своим связям и характеру своих научных обменов... Интеллектуальная история родилась интернациональной и оставалась таковой еще долгое время после подъема национализма внутри и за пределами исторической профессии... Врожденное сопротивление интеллектуальной истории национализму могло иметь парадоксальный эффект, затрудняя выход этой области знания на международный уровень. Поскольку в последние годы историкам, работавшим в этой области, не приходилось отвергать национальные категории или принимать космополитические альтернативы, они, возможно, оказались методологически не готовы к такому движению. И действительно, в последнее время международный поворот в интеллектуальной истории стал своего рода академическим эквивалентом технологического скачка, поскольку данная сфера переходит от не-национального к наднациональному уровню, так и не имея полностью сформировавшихся национальных рамок»⁴⁴.

²⁹ Именно в этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать наметившийся в последнее десятилетие международный поворот к «глобальной интеллектуальной истории», в рамках которой осуществляется творческий синтез многообразных национальных традиций. Анализируя наметившиеся в современной науке различные подходы к формированию новой дисциплины, американские историки С. Мойн и А. Сартори выделяют в качестве одной из главных причин психологическое воздействие, которое оказывает на ученых принципиально новый характер восприятия процесса глобализации в общественном сознании отдельных стран после окончания холодной войны⁴⁵. Когда в 2004 г. появился новый журнал в этой области под названием «Современная интеллектуальная история» без какого-либо географического обозначения, его главной миссией по-прежнему было объединение специалистов-практиков в области европейской и американской интеллектуальной истории. «Однако этот же журнал также показывает, что поворот к “глобальной истории” теперь начал оказывать весьма существенное влияние на интеллектуальную историю»⁴⁶.

³⁰ О том, что обозначенный выше синтез действительно происходит, свидетельствуют «ценные признания» многих современных американских специалистов. «Наш опыт..., отмечает профессор Принстонского университета Д. А. Холлинджер в программной статье “Что такое наш ‘канон’? Как американские интеллектуальные историки обсуждают суть своей области”, — показывает, что область американской интеллектуальной истории в течение

последней четверти века все больше сосредотачивалась на политических идеях и социальной теории и все меньше на философии и литературе. Эти тенденции отличают американских специалистов по интеллектуальной истории от специалистов по британской, французской, немецкой и русской интеллектуальной истории, где философия и литературная культура сохраняют то центральное место, которое они по большей части утратили, изучая интеллектуальную жизнь Соединенных Штатов. Я хотел бы предостеречь вас, что отход от философии и литературной культуры грозит прекращением исследований, имеющих огромную ценность для самой профессии и для общества, которому мы в конечном итоге служим, особенно в то время, когда исследования, проводимые под вывеской “культурной истории”, обычно посвящены лишь самым общим философским идеям и самым популярным литературным произведениям»⁴⁷.

³¹ Откровенные заявления Холлинджера относительно «американского дефицита» философских и культурологических элементов аналитики интеллектуальной жизни являются весьма знаменательными в том плане, что они позволяют более конкретно и рельефно представлять реальные на данный момент перспективы международного поворота к глобальной интеллектуальной истории и одновременно осознать его пределы. Ближайшая задача, скорее всего, будет заключаться в том, чтобы «сделать интеллектуальные культуры взаимопроницаемыми» путем «сравнения — географически или хронологически — интеллектуалов, интеллектуальных практик, идей и концепций». Непосредственная цель этих усилий состоит в том, чтобы «создать более инклюзивную интеллектуальную историю, которая уважает многообразие интеллектуальных традиций и выводит параметры мышления из узких рамок традиций, институционализированных в западной или европоцентричной академической культуре»⁴⁸.

³² На наш взгляд, представление о глобальной интеллектуальной истории как о конкретной эвристической «программе-минимум», реализация которой будет способствовать интенсификации сравнительных исследований, привлекая внимание к незападным теориям и аналогам, является вполне правомерным. Речь идет, в том числе, и о том, чтобы исключить любую возможность превращения интеллектуальной истории в химерическую космополитическую идею, навсегда оторванную от глубинных исторических корней.

Примечания:

1. См.: Dorfman B. Intellectual History in a Global World II: A Response to Ulrich Schneider' Essay // *Intellectual News*. 2005. Vol. 15. Is. 1. P. 19; cp: Schmidt-Biggemann W. Was ist “Intellectual History”? // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is. 1. P. 15—17; Pagden A. The Rise and Decline of Intellectual History // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is. 1. P. 14—15.

2. См., например: McMahon D. M., Moyn S. Introduction: Interim Intellectual History // *Rethinking Modern European Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Darrin M. McMahon. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 3—12.

3. См., например: Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 1999. Вып. 1. С. 5—12; Репина Л. П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 2000. Вып. 2. С. 5—13; Репина Л. П. Культурный поворот в интеллектуальной истории // *Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов*. М.: РГГУ, 2001. С. 28—36; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003; Репина Л. П. От личного до глобального: еще раз о пространстве интеллектуальной истории // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 2005. Вып. 14. С. 5—10; Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 2008. Вып. 25.

С. 5—11; Репина Л. П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике // Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2009; Репина Л. П. Интеллектуальная история в современной России: институциональные структуры и исследовательские поля // Пути России. Т. XVI. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / ред. М. Г. Пугачёва, В. С. Вахштайн. М.: Университетская книга, 2009. С. 81—93; *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX веков. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004; Мягков Г. П., Недашковская Н. И., Недашковский Л. Ф. Историческое пространство и время средневекового текста: подходы и методы интеллектуальной истории. Учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов университетов. Казань: Казанский ун-т, 2011; Васильева С. А., Эрлихсон И. М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальной истории» и «Истории социальных практик» в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях) // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 49—56; Зверева Г. И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4-2. С. 288—302; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Гуторов В. А. Алексис де Токвиль против Астольфа де Кюстина: научное открытие или обыкновенная аберрация? // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 170—175; Гуторов В. А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 176—195; Гуторов В. А. «Чего не делать»: интеллектуальная политика и античная традиция // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. № 1. С. 139—159; Гуторов В. А. Еще раз о ценностях и “Капитале” // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 126—143; Гуторов В. А. Интеллектуалы как «новая медиакратия»: исторические и теоретические аспекты интерпретации // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. № 1. С. 26—43; Богатырев Д. К., Гуторов В. А. Наследие Карла Маркса в исторической ретроспекции: к проблеме «парадоксографии» современных дебатов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 22. № 1. 2021. С. 20—41; Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Идея университета как дискурсивный политический проект: опыт теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Том 12. Вып. 4 (102). URL: [>>>](#); Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Государство как личность: традиции и основные тенденции теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 5 (115). URL: [>>>](#); Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Свобода личности против «свободного государства». Иллюзорная дилемма или реальность? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2022. Вып. 79. С. 374—380; Гуторов В. А., Гуторов В. А., Ширинянец А. А. Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 4 (126). URL: [>>>](#); Гуторов В. А., Соболев В. А., Ширинянец А. А. Концепция «справедливого общества» А. М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 3. С. 7—31.

4. Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2023. С. 11; ср.: Moyn S., Sartori A. *Approaches to Global Intellectual History* // *Global Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Andrew Sartori. N. Y.: Columbia University Press, 2013. P. 3-7.

5. Kelley D. R. *Prolegomena to the Study of Intellectual History* // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is.1. P. 13—14; см. также: Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2023. С. 7.

6. Collini S. *The Identity of Intellectual History* // *A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 7; см. также: Cuttica C. *Intellectual History in the Modern University* // *A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 36—47.

7. Whatmore R. *What is Intellectual History?* Cambridge: Polity, 2015. P. VII.

8. Whatmore R. *What is Intellectual History?* Cambridge: Polity, 2015. P. 2; см. также: Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2023. С. 7—8.

9. Whatmore R. *Introduction to Princeton Classics Edition* // Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016. P. VII; ср. однако: Whatmore R. *What is Intellectual History?* Cambridge: Polity, 2015. P. IX; см. также: Sheppard K. J. G. A. Pocock as an Intellectual Historian // *A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 113—128; ср.: Whatmore R. *Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History* // *A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 97—112; Tribe K. *Intellectual History as Begriffsgeschichte* // *A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 61—71.

10. Collini S., Biddiss M., Skinner Q. et al. *What is Intellectual History?* // *History Today*. 1985. Vol. 35. Is.10. P. 52.

11. Pocock J. G. A. *Political Ideas as Historical Events: Political Philosophers as Historical Actors* // *Political Theory and Political Education* / ed. by Melvin Richter. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2014. P. 139.

12. Johnston W. M. *The Austrian Mind: An Intellectual and Social History, 1848—1938*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2023. P. 1—2.

13. Whatmore R. *What is Intellectual History?* Cambridge: Polity, 2015. P. 92.

14. Ibid. P. IX, 11.
15. Brett A. What is Intellectual History Now? // What Is History Now? / ed. by David Cannadine. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 113.
16. Ibid.
17. Ibid. P. 127.
18. Ibid. P. 113; см. также: Bouwsma W. J. The Waning of the Renaissance 1550—1640. New Haven; L.: Yale University Press, 2000. P. IX; Bouwsma W. J. A Usable Past: Essays in European Cultural History. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. P. 421 sq.
19. Kelley D. R. The Descent of Ideas: The History of Intellectual History. N. Y.: Routledge, 2002. P. 2—3; cp. Gilbert F. Intellectual History: Its Aims and Methods // *Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 1. P. 93.
20. Mulsow M. Knowledge Lost: A New View of Early Modern Intellectual History. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022. P. 17; см. также: Kramer L. Martin Jay and the Dialectics of Intellectual History // *The Modernist Imagination: Intellectual History and Critical Theory. Essays in Honor of Martin Jay* / ed. by Warren Breckman, Peter E. Gordon, A. Dirk Moses, Samuel Moyn, Elliot Neaman. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2008. P. XI—XXXIX.
21. Stevens K. Between Greece and Babylonia: Hellenistic Intellectual History in Cross-Cultural Perspective. N. Y.: Cambridge University Press, 2019. P. 9; cp.: Paul H. Introduction: Post-concepts in Historical Perspective // *Post-everything: An Intellectual History of Post-concepts* / ed. by Herman Paul, Adriaan van Veldhuizen. Manchester: Manchester University Press, 2021. P. 4.
22. Solmsen F. Intellectual Experiments of the Greek Enlightenment. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. P. 5—6.
23. См. подробнее: Гуторов В. А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 144—154.
24. Fritz K. von. Platon in Sizilien und das Problem der Philosophenherrschaft. Berlin: Walter de Gruyter, 1968. P. IX.
25. Ibid. P. XIII.
26. Ibid. P. XIII, 8.
27. См.: Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М.: Праксис. 2002. С. 201—209.
28. См.: *The Public Intellectual: Between Philosophy and Politics* / ed. by A. M. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. P. XI; cp.: *Public Intellectuals: An Endangered Species?* / ed. by A. Etzioni, A. Bowditch. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. P. 1—30; Sassower R. *The Price of Public Intellectuals*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 9—12; *Radical Intellectuals and the Subversion of Progressive Politics: The Betrayal of Politics* / ed. by G. Smulewicz-Zucker, M. J. Thompson. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 3 sq.
29. См.: Кошен О. *Малый народ и революция*. М.: Айрис-пресс. 2004; Benda J. *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset, 2003; Chomsky N. *The Responsibility of Intellectuals*. N. Y.: The New Press, 2017; Lasch Chr. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. N. Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1991; Jacoby R. *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. N. Y.: Basic Books, 2000; Jacoby R. *Intellectuals in Politics and Academia: Culture in the Age of Hype*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2022; Laruelle F. *Intellectuals and Power: The Insurrection of the Victim*. Cambridge: Polity, 2015.
30. *Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография)* / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2023. С. 8.
31. Chartier R. Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectories // *Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives* / ed. by Dominick La Capra, Steven L. Kaplan. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1982. P. 13.
32. Gilbert F. Intellectual History: Its Aims and Methods // *Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 1. P. 80—81.
33. Strong C. F. Miller Perry. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. P. xi, 528. N. Y.: The Macmillan Co., 1939 // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1940. Vol. 208. Is. 1. P. 216.
34. Miller P. *The New England Mind: From Colony to Province*. Cambridge, Massachusetts; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1953. P. VII.
35. Stromberg R. N. *European Intellectual History since 1789*. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1968. P. VII.
36. Gilbert F. *To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970. P. V.

37. См., например: Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-century Florence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1965; Gilbert F. History: Choice and Commitment. Cambridge, Massachusetts; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1977; Gilbert F. History: Politics or Culture? Reflections on Ranke and Burckhardt. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2016; cp.: Main Currents of Western Thought: Readings in Western European Intellectual History from the Middle Ages to the Present. Third Edition Revisited / ed. by Franklin Le Van Baumer. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1970.
38. Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. I. The Medieval Background // Journal of Political Economy. 1923. Vol. 31. No. 4. P. 461—493; Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. II. The Collision of Standards // Journal of Political Economy. 1923. Vol. 31. No 5. P. 637—674; Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. III. The Social Ethics of Puritanism // Journal of Political Economy. 1923. Vol. 31. No. 6. P. 804—825.
39. См., например: Rogan T. The Moral Economists: R. H. Tawney, Karl Polanyi, E. P. Thompson, and the Critique of Capitalism. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017; Goldman L. The Life of R. H. Tawney: Socialism and History. L.; New Delhi; N. Y.; Sydney: Bloomsbury, 2013.
40. Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. I. The Medieval Background // Journal of Political Economy. 1923. Vol. 31. No. 4 P. 461—462.
41. Tawney R. H. Max Weber and the Spirit of Capitalism // Tawney R.H. History and Society / ed. by J. M. Winter. N. Y.: Routledge, 2011. P. 181, 186; см. также: Whimster S. R. H. Tawney, Ernst Troeltsch and Max Weber on Puritanism and Capitalism // Weber and the Spirit of Modern Capitalism — 100 Years On // Max Weber Studies. 2005. Vol. 5.2/6.1. July 2005/January 2006. P. 297—316.
42. Tawney R. H. Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study. L.: John Murray, 1948. P. 212.
43. Crozier J. B. History of Intellectual Development: On the Lines of Modern Evolution. Vol. III. Political. Educational. Social. Including an Attempted Reconstruction of the Politics of England, France, and America for the Twentieth Century. N. Y.; Bombay: Longmans Green, and Co., 1901. P. 1—2, 16.
44. Armitage D. The International Turn in Intellectual History // Rethinking Modern European Intellectual History / ed. by Samuel Moyn, Darrin M. McMahon. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 233—235.
45. Moyn S., Sartori A. Approaches to Global Intellectual History // Global Intellectual History / ed. by Samuel Moyn, Andrew Sartori. N. Y.: Columbia University Press, 2013. P. 3.
46. Ibid. P. 4.
47. Hollinger D. A. What is Our “Canon”? How American Intellectual Historians Debate the Core of Their Field // Modern Intellectual History. 2012. Vol. 9. Is. 01. P. 186.
48. См.: Moyn S., Sartori A. Approaches to Global Intellectual History // Global Intellectual History / ed. by Samuel Moyn, Andrew Sartori. N. Y.: Columbia University Press, 2013. P. 9, 7.

Библиография:

1. Богатырев Д. К., Гуторов В. А. Наследие Карла Маркса в исторической ретроспекции: к проблеме «парадоксографии» современных дебатов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 22. № 1. 2021. С. 20—41.
2. Васильева С. А., Эрлихсон И. М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальной истории» и «Истории социальных практик» в междисциплинарных историко-пенологических исследованиях) // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 49—56.
3. Гуторов В. А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
4. Гуторов В. А. Алексис де Токвиль против Астольфа де Кюстина: научное открытие или обыкновенная аберрация? // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 170—175.

5. Гуторов В. А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 176—195.
6. Гуторов В. А. Еще раз о ценностях и «Капитале» // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 126—143.
7. Гуторов В. А. «Чего не делать»: интеллектуальная политика и античная традиция // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. № 1. С. 139—159.
8. Гуторов В. А. Интеллектуалы как «новая медиакратия»: исторические и теоретические аспекты интерпретации // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. № 1. С. 26—43.
9. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Идея университета как дискурсивный политический проект: опыт теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 4 (102). URL: <https://history.jes.su/s207987840014296-4-1/> DOI: 10.18254/S207987840014296-4
10. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Государство как личность: традиция и основные тенденции теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 5 (115). URL: <https://history.jes.su/s207987840021546-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840021546-9
11. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Свобода личности против «свободного государства». Иллюзорная дилемма или реальность? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2022. Вып. 79. С. 374—380.
12. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 4 (126). URL: <https://history.jes.su/s207987840026412-2-1/> DOI: 10.18254/S207987840026412-2
13. Гуторов В. А., Соболев В. А., Ширинянц А. А. Концепция «справедливого общества» А. М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 3. С. 7—31.
14. Зверева Г. И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4-2. С. 288—302.
15. Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох (коллективная монография) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2023.
16. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
17. Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис-пресс. 2004.

18. Мягков Г. П., Недашковская Н. И., Недашковский Л.Ф. Историческое пространство и время средневекового текста: подходы и методы интеллектуальной истории. Учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов университетов. Казань: Казанский ун-т, 2011.
19. Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 1999. Вып. 1. С. 5—12.
20. Репина Л. П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2000. Вып. 2. С. 5—13.
21. Репина Л. П. Культурный поворот в интеллектуальной истории // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М.: РГГУ, 2001. С. 28—36
22. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
23. Репина Л. П. От личностного до глобального: еще раз о пространстве интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2005. Вып. 14. С. 5—10.
24. Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25. С. 5—11.
25. Репина Л. П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике // Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
26. Репина Л. П. Интеллектуальная история в современной России: институциональные структуры и исследовательские поля // Пути России. Т. XVI. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / ред. М. Г. Пугачёва, В. С. Вахштайн. М.: Университетская книга, 2009. С. 81—93.
27. Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 201—209.
28. *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX веков. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
29. Armitage D. *The International Turn in Intellectual History // Rethinking Modern European Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Darrin M. McMahon. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 232—252.
30. Benda J. *La trahison des clercs*. P.: Editions Grasset, 2003.
31. Bouwsma W. J. *A Usable Past: Essays in European Cultural History*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990.
32. Bouwsma W. J. *The Waning of the Renaissance 1550—1640*. New Haven; L.: Yale University Press, 2000.

33. Brett A. *What is Intellectual History Now? // What Is History Now?* / ed. by David Cannadine. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 113—131.
34. Chartier R. *Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectories // Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives* / ed. by Dominick LaCapra, Steven L. Kaplan. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1982. P. 13—46.
35. Chomsky N. *The Responsibility of Intellectuals*. N. Y.: The New Press, 2017.
36. Collini S., Biddiss M., Skinner Q. et al. *What is Intellectual History? // History Today*. 1985. Vol. 35. Is.10. P. 46—54.
37. Collini S. *The Identity of Intellectual History // A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 7—18.
38. Crozier J. B. *History of Intellectual Development: On the Lines of Modern Evolution*. Vol. III. Political. Educational. Social. Including an Attempted Reconstruction of the Politics of England, France, and America for the Twentieth Century. N. Y.; Bombay: Longmans Green, and Co., 1901.
39. Cuttica C. *Intellectual History in the Modern University // A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 36—47.
40. Dorfman B. *Intellectual History in a Global World II: A Response to Ulrich Schneider' Essay // Intellectual News*. 2005. Vol. 15. Is. 1. P. 18—22.
41. Fritz K. von. *Platon in Sizilien und das Problem der Philosophenherrschaft*. B.: Walter de Gruyter, 1968.
42. Gilbert F. *Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-century Florence*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1965.
43. Gilbert F. *To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970.
44. Gilbert F. *Intellectual History: Its Aims and Methods // Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 1. P. 80—97.
45. Gilbert F. *History: Choice and Commitment*. Cambridge, Massachusetts; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1977.
46. Gilbert F. *History: Politics or Culture? Reflections on Ranke and Burckhardt*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2016.
47. *Global Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Andrew Sartori. N. Y.: Columbia University Press, 2013.

48. Goldman L. *The Life of R. H. Tawney: Socialism and History*. L.; New Delhi; N. Y.; Sydney: Bloomsbury, 2013.
49. Hollinger D. A. What is Our “Canon”? How American Intellectual Historians Debate the Core of Their Field // *Modern Intellectual History*. 2012. Vol. 9. Issue 01. P. 185—200.
50. Jacoby R. *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. N. Y.: Basic Books, 2000.
51. Jacoby R. *Intellectuals in Politics and Academia: Culture in the Age of Hype*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2022.
52. Johnston W. M. *The Austrian Mind: An Intellectual and Social History, 1848—1938*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2023.
53. Kelley D.R. Prolegomena to the Study of Intellectual History // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is. 1. P. 13—14.
54. Kelley D. R. *The Descent of Ideas: The History of Intellectual History*. N. Y.: Routledge, 2017.
55. Kramer L. Martin Jay and the Dialectics of Intellectual History // *The Modernist Imagination: Intellectual History and Critical Theory. Essays in Honor of Martin Jay* / ed. by Warren Breckman, Peter E. Gordon, A. Dirk Moses, Samuel Moyn, Elliot Neaman. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2008. P. XI—XXXIX.
56. Laruelle F. *Intellectuals and Power: The Insurrection of the Victim*. Cambridge: Polity, 2015.
57. Lasch Chr. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, 1991.
58. *Main Currents of Western Thought: Readings in Western European Intellectual History from the Middle Ages to the Present. Third Edition Revisited* / ed. by Franklin Le Van Baumer. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1970.
59. McMahon D. M., Moyn S. Introduction: Interim Intellectual History // *Rethinking Modern European Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Darrin M. McMahon. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 3—12.
60. Miller P. *The New England Mind: From Colony to Province*. Cambridge, Massachusetts; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1953.
61. Moyn S., Sartori A. Approaches to Global Intellectual History // *Global Intellectual History* / ed. by Samuel Moyn, Andrew Sartori. N. Y.: Columbia University Press, 2013. P. 3—30.

62. Mulsow M. *Knowledge Lost: A New View of Early Modern Intellectual History*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2022.
63. Pagden A. *The Rise and Decline of Intellectual history // Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is. 1. P. 14—15.
64. Paul H. *Introduction: Post-concepts in Historical Perspective // Post-everything: An Intellectual History of Post-concepts / ed. by Herman Paul, Adriaan van Veldhuizen*. Manchester: Manchester University Press, 2021. P. 1—14.
65. Pocock J. G. A. *Political Ideas as Historical Events: Political Philosophers as Historical Actors // Political Theory and Political Education / ed. by Melvin Richter*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2014. P. 139—158.
66. *Public Intellectuals: An Endangered Species? / ed. by A. Etzioni, A. Bowditch*. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006.
67. *Radical Intellectuals and the Subversion of Progressive Politics: The Betrayal of Politics / ed. by G. Smulewicz-Zucker, M. J. Thompson*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015.
68. Rogan T. *The Moral Economists: R. H. Tawney, Karl Polanyi, E. P. Thompson, and the Critique of Capitalism*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017.
69. Sassower R. *The Price of Public Intellectuals*. L.: Palgrave Macmillan, 2014.
70. Schmidt-Biggemann W. *Was ist "Intellectual History"?* // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. Is. 1. P. 15—17.
71. Sheppard K. J. G. A. *Pocock as an Intellectual Historian // A Companion to Intellectual History / ed. by Richard Whatmore, Brian Young*. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 113—128.
72. Solmsen F. *Intellectual Experiments of the Greek Enlightenment*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975.
73. Stevens K. *Between Greece and Babylonia: Hellenistic Intellectual History in Cross-Cultural Perspective*. N. Y.: Cambridge University Press, 2019.
74. Stromberg R. N. *European Intellectual History since 1789*. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1968. 299 p.
75. Strong C. F. Miller Perry. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. Pp. xi, 528. N. Y.: The Macmillan Co., 1939 // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1940. Vol. 208. Is. 1. P. 215—216.
76. Tawney R. H. *Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. I. The Medieval Background // Journal of Political Economy*. 1923. Vol. 31. No. 4. P. 461—493.

77. Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. II. The Collision of Standards // *Journal of Political Economy*. 1923. Vol. 31. No. 5. P. 637—674.
78. Tawney R. H. Religious Thought on Social and Economic Questions in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. III. The Social Ethics of Puritanism // *Journal of Political Economy*. 1923. Vol. 31. No. 6. P. 804—825.
79. Tawney R. H. *Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study*. L.: John Murray, 1948.
80. Tawney R. H. *Max Weber and the Spirit of Capitalism* // Tawney R. H. *History and Society* / ed. by J. M. Winter. N. Y.: Routledge, 2011. P. 181—188.
81. *The Public Intellectual: Between Philosophy and Politics* / ed. by A. M. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003.
82. Tribe K. *Intellectual History as Begriffsgeschichte // A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 61—71.
83. Whatmore R. *What is Intellectual History?* Cambridge: Polity, 2015.
84. Whatmore R. *Introduction to Princeton Classics Edition* // Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016. P. VII—XXII.
85. Whatmore R. *Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History // A Companion to Intellectual History* / ed. by Richard Whatmore, Brian Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 97—112.
86. Whimster S. R. H. Tawney, Ernst Troeltsch and Max Weber on Puritanism and Capitalism // *Weber and the Spirit of Modern Capitalism — 100 Years On // Max Weber Studies*. 2005. Vol. 5.2/6.1. July 2005/January 2006. P. 297—316.

Intellectual History and Its Origins: Current Aspects of Interpretation

Vladimir Gutorov

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, Saint Petersburg*

Aleksandr Shirinyants

*Lomonosov Moscow State University; RUDN University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Intellectual history is a field of scientific research developing intensively throughout the 20th century has constantly become the subject of heated debate at any stage of its evolution up to the present day. Scientists recognize the important interdisciplinary significance of the term itself, which expresses a general methodological tendency towards synthesis within social and humanitarian knowledge. At the same time, the very fact that the analysis of the content of this concept still raises questions and gives rise to doubts seems paradoxical. The issues surrounding the rapid spread of the idea that intellectual history, having barely managed to form as a scientific direction, found itself in a situation of methodological impasse, which is provoking a feeling of cognitive dissonance among its supporters everywhere, require an adequate understanding of the reasons for such a state of mind. A constant source of crisis phenomena is the inability of many adherents of intellectual history to recognize the complex and rather fragile structure of its analytical methods, which allow the study of diverse social phenomena from an interdisciplinary perspective. However, many theoretical disagreements, which at first glance seem difficult to overcome, are of a very relative nature if they are considered from the point of view of the world historical tradition of the evolution of various types of intellectual activity in various cultures — ancient and modern. It is in this context, in our opinion, that we should consider the international turn that has emerged in the last decade towards a “global intellectual history”, within the framework of which a creative synthesis of diverse national traditions is being carried out.

Keywords: intellectual history, cultural history, hermeneutics, intellectual practices, historical tradition, interdisciplinary communication, historical methodology, political context, global intellectual history

Publication date: 31.12.2024

Citation link:

Gutorov V., Shirinyants A. Intellectual History and Its Origins: Current Aspects of Interpretation // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 12 (146). Part II.

URL: <https://history.jes.su/s207987840033897-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840033897-5

